

Хан Цин поколебался, а затем ответил:

— Лучше не надо. Всё-таки умирать у него на глазах — не самая лучшая идея...

Хотя такой злодей, как Гу Синдуань, вряд ли станет испытывать угрызения совести или боль.

— Тогда продолжим, отправимся в следующий мир.

— Почему ты не отвечал раньше, когда я тебя постоянно звал? — Хан Цин не сдвинулся с места, а вместо этого потребовал ответа.

— Первый мир я специально выбрал для тебя как обучение новичка. Из-за низкого уровня этого мира я не мог появиться и помочь тебе.

— И как ты собираешься меня за это вознаградить?

— Я помогу тебе восстановить повреждённые участки памяти. — Система не забыла добавить:
— Без затрат очков заданий.

— И ещё: в следующем мире, пожалуйста, дай мне тело с более высоким положением и властью, — чтобы хотя бы не быть пешкой, которую перекидывают между главным героем, злодеем и проходными персонажами, и при этом не иметь силы даже мухи прихлопнуть.

Система согласилась очень охотно:

— Без проблем.

Хан Цин, наконец удовлетворённый, закрыл глаза.

Когда он снова открыл глаза, ледяная жидкость с ещё не растаявшими кубиками льда обрушилась ему на лицо.

— Ах ты, мерзкий развратник! Кто тебе позволил соблазнять моего мужа?

Хан Цин: ...

Система, чтоб тебя, твою мать!

Гу Синдуань страдал батофобией. Каждый раз, когда он видел тёмную глубину воды, его тело охватывал ступор. Но он безумно любил воду. Каждое изящное движение в воде приковывало его взгляд.

Когда-то он тоже умел плавать. Его мать была пловчихой, и, конечно, она завершила карьеру рано, так что многие, возможно, уже забыли её. Он с детства учился плавать у неё... пока не увидел, как она погибла в море. Её довели до смерти люди из семьи Гу.

После этого Гу Синдуань больше никогда не прикасался к воде. Он утопил каждого из семьи Гу. Остался только он один. Он полностью взял власть над семьёй Гу в свои руки.

Но такая жизнь была совершенно лишена смысла.

Пока однажды он случайно не увидел по телевизору заплывы. Гу Синдуань начал постепенно ходить в бассейны, посещать соревнования. Он даже спонсировал провинциальные и национальные команды... Он не скупился на поддержку талантливых пловцов. Словно в них он мог разглядеть отблески самого себя в юности, когда он учился плавать.

А потом он заметил одну девушку и юношу рядом с ней.

Он случайно увидел, как парень стоит в задумчивости у края бассейна. Гу Синдуань нашёл это забавным: этот человек явно боялся воды, так зачем же он пришёл в бассейн?

Но затем поведение парня нанесло ему сокрушительный удар.

Парень не только умел плавать, но и делал это очень красиво. Однако его тело, похоже, было не в лучшей форме, и уже через некоторое время он остановился отдохнуть. Гу Синдуань перебирал в памяти его недавний заплыв и невольно крепко сжал пальцы. Где-то в глубине души зародилось беспокойство.

Он хотел этого человека.

Гу Синдуань с трудом подавил охватившее его волнение.

После этого ему неоднократно выпадала удача видеть юношу.

Каждый раз он занимал лучшее место, чтобы с наилучшего ракурса наблюдать за его прекрасным стилем плавания. Он мог даже разглядеть его поджарую талию, красивые линии живота и упругие ягодицы...

Вода словно была королевством этого юноши. Гу Синдуань смотрел, как он показывает себя в воде всё лучше и лучше, и сам не мог не погружаться в это всё глубже.

Ему хотелось сорвать с парня плавки и овладеть им прямо в воде.

Одна только эта мысль возбуждала Гу Синдуаня несколько раз.

Он хотел заполучить этого человека — никогда ещё его желание не было таким ясным и сильным.

Он не удержался и построил в своей спальне огромный бассейн. Если бы он мог поднять глаза и увидеть, как парень плавает в нём, не было бы в мире ничего более захватывающего.

Он думал, что скоро исполнит своё желание, но юноша был слишком прекрасен. Вскоре все увидели красоту его вольного плавания в бассейне.

Каждый день Гу Синдуань видел бесчисленные сообщения в Weibo с признаниями парню в любви.

А когда рядом с юношей появился другой мужчина, Гу Синдуань впервые испытал жгучую муку ревности.

Желание обладать им стало ещё сильнее.

Страсть и любовь Гу Синдуаня переплелись, вздымаясь всё выше.

Пока он наконец не смог больше сдерживать себя и не забрал юношу. Он с нетерпением ждал, когда тот войдёт в его владения, и с нетерпением ждал, когда на нём появится его запах.

Когда он увидел, что парень, как он и хотел, вошёл в тот огромный бассейн, Гу Синдуань уже не мог сдержать бушующее в душе пламя желания.

...

Всё разбилось невероятно быстро.

Он жадно провожал взглядом удаляющуюся спину юноши, и тоска в его сердце превратилась в лианы, безумно терзая его. Как же мне по-настоящему заполучить его? Не только его тело... а его сердце.

Гу Синдуань достал любовные стихи, которые переписывал бесчисленное количество раз.

Гу Синдуань никогда никого не любил, и когда ему действительно нужно было полюбить, он мог только неуклюже учиться, пытаясь выудить из стихов хотя бы крупицу понимания и техники.

Гу Синдуань был в тревоге. Он не знал, любит ли его юноша. Он начал снова приближаться к нему. Он был готов вымостить для него весь путь, преподнести ему на блюдечке вершину славы... Он был готов смотреть, как тот на вершине явит миру свою самую прекрасную сторону. В конце концов, сколько бы ни было тех, кто восхищается и обожает, юноша будет принадлежать только ему. Только он видел, каким бывает парень во власти страсти.

Гу Синдуань всё ещё не знал, любит ли его юноша.

Впрочем, это было неважно. В мире редко можно найти такого подходящего человека, разве можно его отпустить?

Гу Синдуань, закрыв глаза, даже распланировал всё их будущее.

А потом...

А потом ничего не стало.

Юноша лежал в гробу.

Гу Синдуань никогда не забудет, как, когда он отталкивал парня к ассистенту и водителю, тот безумно тянул к нему руки, но так и не смог ухватиться за них...

Юноша пошёл ко дну.

Разве ты не умеешь плавать?

Ты ведь только что победил!

Ты — восходящая звезда в мире плавания!

Как же ты мог просто утонуть?

...

Он не осмелился ступить на похороны юноши, даже взглянуть на его посмертную фотографию — он боялся, что не выдержит и сорвётся.

Он вытащил виновника, Вэй Гуана, из полицейского участка. Он прижал Вэй Гуана на том самом берегу моря и холодно посмотрел на него:

— Он мёртв. Ты доволен?

Лицо Вэй Гуана было белым, как бумага. С этим измождённым, испачканным лицом он пристально смотрел в сторону моря. Затем он вырвался от людей, державших его, и прыгнул в воду.

Ассистент в панике спросил:

— Босс, что делать? Вытаскивать его?

Гу Синдуань холодно смотрел на поверхность моря, не двигаясь.

Вэй Гуан тоже отлично плавал... Может быть, он пытался сбежать.

— Перекройте ему выход.

Немало людей оцепили тот район моря и начали блокировать Вэй Гуана. Но они прождали до самого вечера, так и не дождавшись, когда Вэй Гуан снова поднимется на поверхность.

— ...Босс, похоже, он утонул.

Гу Синдуань замолчал. Два самых любимых его человека в этой жизни погибли в воде. Те, кто их погубил, тоже умерли в воде...

— Босс, если тело найдут...

— Тогда бросьте обратно. Ему суждено сгинуть без следа.

Смерть Вэй Гуана не вызвала большого шума, но смерть юноши на какое-то время прогремела на всю округу. Куда бы ни пошёл Гу Синдуань, он повсюду слышал и видел новости о нём. Бесчисленное множество людей оплакивало этого павшего слишком рано гения.

Рана, которую Гу Синдуань прятал в глубине души, разрывалась снова и снова.

Порой его мозг снова и снова прокручивал момент, когда юноша пошёл ко дну.

Порой он вспоминал тот день в машине, когда он шутил с парнем, говоря, что однажды тоже попробует завязать красную верёвочку.

Порой он бессознательно гладил фотографию в руке...

И внезапно осознавал, что уже погряз в юноше, не в силах выбраться. И в один миг у Гу Синдуаня возникла мысль оборвать эту бессмысленную жизнь и отправиться к нему.

Но как он мог умереть?

...

Гу Синдуань наконец пришёл к могиле юноши.

Он опустил цветы, которые держал в руках.

— Хотя ты ни разу их не принял, я всё равно должен их тебе дать. — Уголки жёстких губ Гу Синдуаня чуть приподнялись. — Хотя ты ни разу их не распечатал, я всё равно должен прочитать их тебе.

Гу Синдуань развернул лист бумаги, который держал в руке.

— Прошлой ночью мне приснился ты... Я готов отказаться от всего, чтобы тосковать по тебе всю жизнь.

Да. Осталось ещё так много нераспечатанных писем. Когда он закончит их читать, наверное, тогда и настанет время навсегда покончить с этой бессмысленной жизнью.

Гу Синдуань поднялся и посмотрел на фотографию на надгробии.

— Мне кажется, ты любил меня. — И поэтому он отдал свою жизнь, чтобы спасти его.

Хан Цин открыл глаза и, хмурясь, вытер воду с лица.

Перед ним стояла молодая женщина лет тридцати с небольшим, одетая по моде, но смугловатая кожа придавала ей налёт провинциальности.

Хан Цин не спешил заговорить, а сначала разобрался в огромном объёме информации, внезапно хлынувшем в его голову.

После того как система восстановила участок его памяти, она сразу же загрузила весь сюжет ему в мозг, включая память этого тела.

Его звали Хань Яо, он происходил из знаменитой семьи музыкантов и художников.

Хан Цин слегка приподнял бровь.

Происхождение и впрямь было неплохим, похоже, система его не обманула.

Хань Яо было всего двадцать два года. Раньше он учился в престижном зарубежном вузе и вернулся на родину всего несколько месяцев назад. Выложив в интернете песню, которая мгновенно стала вирусной, он привлёк внимание развлекательной компании. Хань Яо быстро подписал контракт с компанией «Синъян Э터테인먼트».

Как раз эта компания принадлежала антагонисту этого мира, Цзян Мойяну.

Что было удобно для его планов.

Впрочем, Хан Цин быстро перестал радоваться.

После подписания контракта по настоянию агента Хань Яо сменил имя на Хань Цинцин.

Ну и бабское имя!

Хотя происхождение у Хань Яо было высоким, характер у него был слишком мягкий. К тому же он был прирождённым геем и в глубине души немного комплексовал, отчего стал ещё более замкнутым. Вернувшись из-за границы, он намеренно скрывал своё происхождение, чтобы не говорили, что он всего добился благодаря родителям. Агент, видя его мягкий нрав и то, что им легко управлять, тайком брал ноты Хань Яо и отдавал их другим певцам, присваивал его деньги и даже отправил Хань Яо к заместителю директора «Синъян»...

Хань Яо ещё не понял, что это был намёк на интимные услуги, как тут же явилась жена заместителя директора «Синъян».

Перед ним стояла именно эта женщина.

Хан Цин нахмурился.

Если бы дело было только в этом, он бы так не злился. В исходном сценарии Хань Яо был типичным проходным персонажем. Он только начал обретать известность в сети, у него ещё не было много преданных фанатов, как тут же явилась жена заместителя директора, и он сразу попал в новости. Мужчина-любовник! Какая сенсация! Вскоре сеть захлестнула волна всеобщего осуждения... Хань Яо пытался оправдаться, но агент крепко держал его под контролем. Вскоре кто-то раскопал происхождение Хань Яо, его родители тоже подверглись нападкам. Отец и мать Хань, узнав, что их сын — гей и к тому же стал любовником, пришли в ярость и выгнали его из дома. В отчаянии Хань Яо, когда агент попытался выжать из него последние остатки пользы, отправив его в постель к антагонисту, тот как раз был без ума от главного реципиента и приказал вышвырнуть Хань Яо голым на улицу.

Хань Яо снова попал в новости.

Именно в тот раз он покончил с собой, прыгнув с крыши.

После смерти Хань Яо в основном отпускали ехидные замечания, и вскоре его почти никто не вспоминал. А существование этого персонажа было нужно лишь для того, чтобы показать читателю, как сильно антагонист любит главного реципиента, и одновременно продемонстрировать его жестокость и беспощадность.

Антагонист...

Хан Цин прокатил имя «Цзян Моян» на языке туда-сюда.

— После того как я завершу обольщение антагониста, я смогу его кастрировать? — спросил Хан Цин в душе у системы.

— ...

— Нельзя?

— ... Можно. — Система с трудом выдавила одно слово, в нём на мгновение исчезла её обычная ледяная, механическая интонация.

Настроение Хан Цина заметно улучшилось, и только тогда он нашёл время взглянуть на стоявшую напротив женщину — госпожу Линь.

— Что, язык проглотил? Была смелость соблазнять мужчин, а теперь прикидываешься тихоней? — Госпожа Линь холодно усмехнулась, её черты лица исказились.

Официант, дрожа, протянул салфетку:

— Господа, господа, пожалуйста, успокойтесь и решите всё мирно.

Хан Цин взял салфетку и неторопливо вытер с лица остатки воды.

Госпожа Линь видела, что он, вместо того чтобы снова испугаться и растеряться, как раньше, стал спокойным, и в душе у неё закралась неуверенность. Ведь она должна быть уверена в себе! Она — пострадавшая! Но этот юноша, посуровев лицом, казалось, излучал холодную ауру. Что он о себе возомнил, этот певец? Госпожа Линь стиснула зубы, собираясь заговорить снова.

Но тут Хан Цин заговорил первым.

Он посмотрел на госпожу Линь холодным, даже слегка насмешливым взглядом:

— Ваш муж — господин Линь, я не ошибаюсь? Да разве я могла бы заинтересоваться таким, как господин Линь?

Заместитель директора «Синъян», Линь Чан, был низкорослым, смуглым и худым, с залысинами. Если бы он встал рядом с Хан Цинем, то достал бы ему только до плеча.

А как выглядела эта внешность Хан Цина?

Брови — словно далёкие синие горы, нос — как нефритовая подвеска, глаза — как чёрный лак, губы — алые, зубы — белые. Черты были немного женственными, но Хань Яо происходил из знатной семьи, много лет впитывал искусство, и его аура была несравнима с людьми из шоу-бизнеса. Хань Яо действительно был равнодушен к деньгам и славе, отчего его облик казался утончённым и безмятежным.

Стоило хоть немного подумать, чтобы понять, как такой человек, как Хань Яо, мог заинтересоваться господином Линем?

Хань Яо сам не умел разбираться в людях, а госпожа Линь была взбалмошной и недалёкой, поэтому так легко осудила его, не дав ему шанса оправдаться.

Госпожа Линь опешила. Чем больше она смотрела на уверенную позу Хан Цина, тем больше злилась: казалось, будто он стоит выше, а она сама на его фоне кажется грязью. Она усмехнулась:

— А кто знает, может, ты позарился на деньги моего мужа?

Хан Цин словно невзначай покрутил на руке часы:

— Деньги? На те жалкие гроши, что есть у господина Линя, мне и смотреть не захочется.

Госпожа Линь тоже заметила его одежду: на вид скромную, но на самом деле очень дорогую.

— А кто знает, может, он тебе их купил? — Она всё ещё усмехалась, но после этой перепалки её напор заметно спал, видимо, она начала остывать.

Хан Цин снова тихо рассмеялся:

— А вы знаете, кто мои родители, что смеее говорить, будто я польстился на его деньги? Мой отец — Хань Чжи, моя мать — Лян Сы. — Зачем же скрывать своё происхождение? Хан Цин не собирался его скрывать. Он не только не скрывал, но и собирался объявить о нём во всеуслышание.

Госпожа Линь уже плеснула в него водой, и, возможно, её уже сфотографировали репортёры. В интернете потом не будут разбираться, виновен он или нет: все будут судить по фотографиям. Все его оправдания будут бесполезны. Поэтому лучше прямо назвать имена отца и матери — двух старых деятелей искусства. Пусть они не так популярны, как звёзды эстрады, но их знает вся страна. Сейчас у людей подсознательно есть уважение к старым мастерам. Узнав его происхождение, кто посмеет заподозрить, что он ради каких-то жалких грошей или ради лучшей карьеры стал соблазнять женатого мужчину?

Ведь с такими связями, как у его родителей, чего бы он ни захотел, он мог бы получить без труда.

Хан Цин медленно произнёс:

— У вашего мужа нет ни лица, ни денег, ни власти. Насколько же я должна быть слепа, чтобы заинтересоваться им? Тот, кто действительно стоит того, чтобы его соблазнять... по крайней мере, должен быть его начальником, таким, как господин Цзян.

— О?

Прежде чем госпожа Линь успела ответить, раздался незнакомый мужской голос.

Хан Цин лениво скосил взгляд на говорившего.

Мужчина был в чёрном костюме, высокий, стоял у стола, почти загораживая свет. Из-за того, что свет падал со спины, Хан Цин не сразу разглядел его лицо. Но от этого человека исходила опасная... бандитская аура.

Госпожа Линь обернулась и вскрикнула:

— Господин Цзян?

Хан Цин: ...

Просто ляпнул, что первое в голову пришло, и это слово упало прямо на голову антагонисту?!

Мужчина был высоким, под сто девяносто сантиметров, с длинными ногами, которые сразу наводили на мысли о моделях на подиуме. На нём был чёрный костюм от *Ворппно*, но воротник был слегка расстёгнут, галстук свободно болтался на шее, придавая ему дикий и властный вид. Черты лица мужчины были резкими, густые брови взлетали к вискам, тёмные глаза излучали сильное давление, а когда он холодно смотрел на человека, от него исходила пугающая бандитская аура.

Это был человек, с которым никто не хотел бы иметь дела.

В исходном сюжете антагониста Цзян Мойна описывали именно так.

И мужчина перед ним очень точно соответствовал этому описанию.

Действительно, это был человек, который с первого взгляда казался опасным, ну и, конечно, он был очень красив.

Хан Цин быстро справился с неловкостью.

В конце концов, если уж он стал геем... что такого в том, что его застукали за обсуждением за спиной?

Хан Цин равнодушно произнёс:

— Здравствуйте, господин Цзян. Да, господин Цзян, как всегда, великолепен. — Сказав это, Хан Цин не забыл повернуться к госпоже Линь: — Госпожа Линь, как вы думаете, если поставить рядом вашего мужа и господина Цзяна, кто, если только он не слепой, сделает выбор?

Госпожа Линь растерялась от такого вопроса:

— Он... это... конечно, конечно, господин Цзян лучше.

Госпожа Линь очень боялась Цзян Мойна, на лбу у неё выступил холодный пот, а руки, которые она ещё недавно яростно размахивала, уже дрожали. Она сжала сумочку и, опустив голову, сказала:

— Сегодняшний разговор... мы продолжим в другой раз. Господин Цзян... прошу прощения, у меня ещё дела, не буду вам мешать. — С этими словами госпожа Линь, словно увидев привидение, поспешно развернулась и убежала.

Хан Цин обернулся и заметил в углу папарацци, убирающего камеру.

Хан Цин был немного разочарован: они начали снимать так поздно, что же теперь можно будет написать? Неужели они будут строить догадки о любовном треугольнике между ним, Цзян Мойном и госпожой Линь?

Цзян Мойн даже не взглянул на ушедшую госпожу Линь. Его взгляд всё это время был прикован к Хан Цину, полный насмешливой заинтересованности.

— Господин Цзян, тогда я тоже пойду. — Может быть, из-за того, что он стоял слишком близко к антагонисту, Хан Цин почувствовал, что исходящее от него давление давит на него.

Ассистент Цзян Мояна как раз преградил ему путь.

Хан Цин сразу всё понял: пока Цзян Моян не разрешит, он не уйдёт.

— Ты ведь собирался меня соблазнять, — медленно произнёс Цзян Моян. — Чего же ты так спешишь уйти?

Хан Цин и не думал, что его же слова так быстро обернутся против него... Он собирался обольщать антагониста, но это не значило, что он будет стоять вот так, под взглядами стольких людей, и заниматься этим.

<http://bllate.org/book/21333/2164049>